Дочь Хиросимы

Белова Елена Максимовна,
студентка НИУ ВШЭ,
Россия, Москва
E-mail: promille0.4@yandex.ru

В минувшее воскресенье мне пришлось бороться с собой куда дольше обычного для того, чтобы пройти уже слишком знакомые 40 метров от двери моего дома до станции электрички. В тот день мой путь лежал в городок Такацуки, находящийся между Осакой и Киото — там, в одном из конференц-залов, с речью выступала Коко Кондо, восьмимесячным ребёнком, пережившая атомную бомбардировку Хиросимы 6 августа 1945 года.

Коко — человек невероятной судьбы. Очень сложно поверить в то, что эта женщина является дочерью христианского проповедника Киёси Танимото, посвятившего всю свою жизнь с момента катастрофы помощи пострадавшим в ней и организовавшим поездку в США 25 японским школьницам, обезображенным ядерным огнём, для проведения пластических операций. Что она вместе с отцом появится на страницах книги «Хиросима» Джона Хёрси, награждённого за эту работу пулитцеровской премией, что она ходила в один детский сад с Садако Сасаки — той самой, что чуть позже умерла в госпитале от лейкемии, так и не успев сложить тысячу бумажных журавликов. Что она в возрасте 10 лет в эфире американской телепрограммы «This Is Your Life» встретится с Робертом Льюисом, вторым пилотом самолёта Enola Gay, осуществившим сброс бомбы на её родной город, и простит его и весь американский народ в его лице после простой фразы, оставшейся в веках: «Боже, что же мы сделали?»... и что именно эта женщина сейчас стоит прямо перед тобой, как стояла уже перед тысячами людей лишь с одной целью — рассказать о своей жизни. Этого вполне достаточно, чтобы осознать, какой уродливый нестираемый отпечаток оставляет на судьбах людей война.
После многих лет чтения одного и того же послания о мире, Коко всё равно раз за разом срывала голос и замолкала, поднимая на лоб очки и утыкаясь заплаканным лицом в маленький белый платок. Люди в зале плакали вместе с ней, прикрывая ладонями разинутые в изумлении

и скривлённые в болезненной гримасе рты, но продолжали терпеливо слушать. О том, как всё её детство, когда самое страшное, казалось, уже миновало, вокруг умирали люди, многие из которых были на другом конце Японии во время взрыва и приехали позже — просто помочь. О том, как она сбежала из страны после очередного принудительного скрининга в огромном центре радиологии, созданном не для того, чтобы облегчить страдания больным, а лишь для того, чтобы изучить воздействие радиации на человека. В тот день её провели через тёмный зал, шелестевший всеми языками мира, к самому центру, под ослепляющий свет прожектора, а затем попросили снять больничную робу и крутиться так, чтобы каждая пара из сотен пар въедливых глаз учёных могла разглядеть всё, что её интересовало. Как вернулась домой после того, как в Америке её помолвку расторгли родственники жениха, узнав о прошлом Коко. Как не справлялась с невыразимой злобой на отца, который, казалось, любил всех вокруг много больше, чем собственную жену и детей, и потому наотрез отказывалась продолжать его дело. Как, будучи уже взрослой, узнала, как её отец встретил утро 6 августа.

Господин Танимото направлялся за город и приближался к вершине холма, с которого открывался вид на всю Хиросиму, когда упал на землю, опрокинутый невероятно сильным порывом ветра, больше похожим на удар. Наскоро поднявшись и обернувшись, он не увидел перед собой, насколько хватало глаз, ничего, кроме выжженного поля. Обезумев от мысли, что могло случиться с его супругой и маленькой дочерью, он бросился туда, где ещё минуту назад был город. Остановился Танимото лишь единожды, когда услышал едва различимую просьбу о помощи откуда-то из-под обломков. Взяв протянутую из узкой расщелины руку, он попытался вытащить замурованного выжившего, но в его ладони осталась лишь кожа, соскользнувшая с руки, как перчатка. Отпрянув, как ужаленный, он расплакался и, рассыпавшись в поклонах и извинениях, продолжил свой путь, игнорируя стоны и мольбы, лившиеся со всех сторон. Уже к вечеру он нашёл жену живой, но, тут же спросив, что сталось с их прихожанкой, о которой она должна была позаботиться ранним утром, и, услышав невразумительный ответ, накричал на неё в праведном гневе, обвинив в эгоизме и заботе лишь о себе и своём ребёнке, которого она в тот момент прижимала к груди. До конца своих дней пастор Танимото не мог простить себе и, похоже, никому из выживших, всех тех, кого они оставили умирать. Всё, что он мог сделать, чтобы заглушить пожирающее изнутри чувство вины — это посвятить себя миру, пусть даже его дети видели в этом недостаток любви к самим себе. Услышав это впервые лишь в зрелости, Коко, наконец, примирилась сама с собой, а позже решила пойти по стопам отца.

Мне было трудно решиться прийти на эту встречу, потому что я знала, что тоже буду украдкой смахивать слёзы, и что, возможно, в очередной раз обозлюсь на всё человечество за эту бесчеловечную ошибку, совершённую 70 лет назад. И я благодарна себе за смелость.

После 3 часов выступления, люди устремились к Коко бурным потоком. Кто-то подолгу расспрашивал её о чём-то, некоторые корпулентные европейские дамы душили её в восторженных объятиях (к счастью, Коко не возражала). Я была кратка и сказала ей лишь слова благодарности за её дело, и то, что я могу представить, как это больно — из раза в раз вспоминать все свои самые страшные кошмары. Вполне вероятно, что она сочла меня банальной, но других слов на тот момент у меня не было, а не подойти я просто не могла.

Елена Белова, Япония, Осака, 2016 г.